

Во имя любви к родине

★
И. ДОРОШЕНКО

Над седым Днепром спускается густая пелена дыма. Столбы воды поднимаются ввысь, как смерчи. Гремит артиллерийская канонада. А на левом берегу идет обычная, без суеты работа: бойцы чинят лодки и плоты, чтобы пройти через ад, разверзшийся над рекой.

Привлекла внимание всех необычная в такой обстановке картина. Пожилой полковник обнял высокого, черного, с впалыми глазами от бессонных ночей, солдата и поцеловал его.

— Спасибо, Иван Иванович, — сказал он. — Выручили вы часть, спасли операцию...

...Когда войска, преследовавшие отступающего врага, подошли к Днепру, старшему сержанту Ивану Ивановичу Грицову было приказано сопровождать плот с бойцами на правый берег, где укрепились немцы. Под покровом темноты плот отчалил от берега. Бойцы пересекли многоводную реку, высадились на берегу у немецких укреплений и заняли оборону. А Грицов и его восемь товарищей возвращались обратно, чтобы до рассвета переправить новую партию людей и вооружения.

Немцы заметили плот и открыли огонь. Вокруг рвались снаряды. Один попал в плот. Погибло двое товарищей, ранены другие.

— Только вперед, только в этом спасение, — подбадривал Грицов живых.

На разбитом плоту только двое, они должны спасти раненых. С трудом доплыли до берега, где их ждали бойцы. Но тут выяснилось, что, когда разбило плот, в реке утонули бидоны с клеем для ремонта резиновых лодок, предназначенных для переправы войск. Лодки надо было исправить немедленно, чтобы вечером перебросить подкрепление бойцам, сражающимся на том берегу.

Взошло солнце и Днепр открылся во всем своем великолении. Теперь он на виду у немцев и плыть сейчас — значит рисковать жизнью. Но для ремонта лодок нужен клей. Посылать за ним в тыл — потерять время, сорвать переброску подкрепления.

Командир роты позвал Грицова.

— Ну, как, жарко на Днепре?

— Жарче и не может быть, стервенеет немец.

— Если сорвется переправа сегодня, погибнут товарищи. Мы спасем их, если лодки будут готовы к вечеру. Запомнил, где разбило плот?

— Предполагаю.

Грицов не стал расспрашивать. Он только точно рассказал командиру, в каком месте утонули бидоны.

Канонада утихла и Грицов с молодым бойцом спустился к берегу, заросшему камышом, — к небольшой лодке. По-хозяйски осмотрел ее и залюбовался рябью волн, переливавшихся под золотым осенним солнцем. И так ярко представилась ему речка Валуй в родном селе Кочкино.

Не впервые на войне вспоминал Иван Грицов и жизнь свою и дом...

Походив три года в сельскую школу и научившись выводить каракули, он предстал перед отцом.

— Ну, вот что, — говорил он сыну, — губернатором тебе не быть, пора за работу...

Так и прошли все его юношеские годы в степи, в хозяйстве у отца, у чужих людей, в повседневной заботе о куске хлеба.

На его глазах родилась советская власть. Вставала из военной разрухи, строилась страна, поднималась промышленность, начинался великий переворот на селе. Деревня становилась на путь коллективизации и хотя путь этот был ему неведом, но Иван Грицов душой чувствовал его справедливость. Он первым в селе, в 1930 году, вступил в колхоз. Верили ему колхозники, избравшие его своим бригадиром. И думы о своем доме, о личном сменились думами об общественном, о тех людях, которые вручили ему свою судьбу.

В колхозе вскоре появились плуги, потом тракторы пришли, заговорили об агротехнике. И бригада Грицова стала снимать по 18 — 19 центнеров ржи, по 20 — 22 центнера пшеницы с гектара, урожай невиданный, вдвое, втрое больше, чем снимали кочкинские единоличники. До трех килограммов дошла выдача на трудодень и некоторые колхозники не брали свой хлеб из колхозных закромов: некуда было ссыпать. Появились новые постройки, животноводческие фермы. Росла и крепла артель. Стали меняться и люди. Раньше думали лишь о хлебе, а теперь и велосипед, и патефон, и никелевая кровать появились в кочкинских домах. Раньше после 3 классов заканчивали образование, а теперь, при